

Валерий ЛЕБЕДИНСКИЙ родился в 1940 году в городе Кременчуге Полтавской области. Окончил два факультета Одесского государственного университета имени И. Мечникова: юридический (1965) и исторический (1971). Поэт, прозаик, драматург. Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России. Автор семи книг, лауреат Артиады народов России, главный редактор международного литературного альманаха «Муза».

ТРОПОЙ КАТАЛОГА

О, Муза надежд! Бубенцы над седлом, –
Россия

летит

через кручи...

Но тропы теряются
В тридцать седьмом,
Слабеет её многозвучье.

А ярким талантам, глубинным умам
Под силу сдвигать Гималаи!
Но пуля пронзает,
Но гложет тюрьма,
Завидные судьбы ломая.

– Терпите: в грядущем – счастливый венец!
Порыв в освежающем ветре.
Но сколько же судеб
Познало конец
На тридцать седьмом километре!

БОЛЬНАЯ ТЕМА

Эвакуация и мама...

Сквозь

гиблых лет

сырые мхи

Ты прорастёшь в грядущем,

Драма,

Вы жарко выльетесь,

Стихи.

И, сквозь травы осенней заметь,

Сквозь вновь сошедшие снега

Я восприму чужую память –

Бои вокруг Кременчуга.

Я просочусь в чужой коллектор

Ста тысяч судеб болевых,

Туда, где мама –

Санинспектор

В тисках условий полевых.

Из правды книг, из пыла лекций

Понять ли полностью смогу

Бросок души в очаг инфекций

На крытом кровью берегу.

В преддверье хуже, чем проказы –

Захвата немцами Днепра –

Крутые мамины приказы

В пылу горящего двора.

Лучей суровых вспыхнет спектр,

В полтыщи вольт пронзит дуга:

Под свистом бомб –

Госсанинспектор

Всего – в огне – Кременчуга!

... Но нет,

Пока не зреет драма,

До дна не выпита беда,

Где ростом маленькая мама

Ещё к тому и молода;

Где –
 через страх,
 сквозь стоны боли,
Сквозь кровь на утренней росе –
Не бывший прежде
Сгусток воли
У слабой женщины, как все.

Да и потом,
В период зрелый,
Свершая мирные дела,
Она была совсем не смелой,
Не волевой, увы, была.

Но вот при мне,
Отнюдь не в раже, –
Тот миг всю суть её вобрал, –
– Как вы смогли?! –
Ей тихо скажет
Седой – в отставке – генерал.

**ИЗ ЦИКЛА
«СТИХИ О РОДНОЙ УКРАИНЕ»**

За гранью горестных годов,
Судьбы неожиданных крутояров –
Мир приодесских берегов
И надднепровских тротуаров.

И от припятинских террас,
Вдоль пригурзуфских горных гротов –
Мир асфальтированных трасс
И эстакадных разворотов.

И ускользящий вдали,
На тропах Сечи Запорожья,
Мир застарелой колеи
И земляного бездорожья...

Мир
 гулких
 рельсов
 стыковых

Вдоль пляжей,
Знойных, как жаркое, –
Их было много, таковых,
От Приазовья до Джанкоя.

Вдоль белых пригородных хат,
Вдоль проводов, скреплённых выше, –
Мир,
 гулкий в сердце,
 как набат,
И сокровенный, как затишье.

Вот в этой кровной стороне,
В глуби крещатинского нерва –
Тот фон, те краски, что по мне,
Тот звёздный шлях, который прерван.

Вот в этой
 тайне
 лишь одной,
Всегда неясной мне загадке –
Мир Украины,
Мне родной,
Чьи –
 болью в сердце –
 неполадки.

Мир не разрозненных валют,
Единых трасс газопровода,
О, край родной,
Тебе салют,
Земле родного мне народа!

Душа радушием полна,
В ней нет худого и в помине,
Когда тянусь к предлогу «на»
В союзе слов:

На Украине.
Наверно, просто пообвык,
Сроднился сердцем с тем предложением,
И милых слов привычный стык
В тиши расскажет мне о многом.

О солнцем выжженной траве,
О златном поле близ Херсона...
Мне не принять предлога «в»,
В нём нет и не было резона.

Он плод отнюдь не языка,
Он – отзвук мрачного разлада,
А мне земля моя близка,
Где юных чувств взошла рассада.

Где мной не зримый Кременчуг –
Душевный зов, обитель клана.
Но род иссяк. И я молчу.
А память сердца неустанна.

Мне край днепровский –
Как пролог
Ко дням, судьбою данным позже.
О нет, по мне –
Иной предлог,
Лишь тот, что с детства впитан кожей.

Ах, Украина,
Сердце – на!
Тропа к заветному открыта.
В нём хат родимых белизна,
А на плетнях висят корыта.

В нём – мягкий говор с юморком,
А по ночам раскрыты дверцы
К дворам, где бегал босиком,
Где день за днём впадали в сердце...

О, эти страстные миры,
Пускай ушедшие из быта, –
Я так любил мои дворы,
Что страсть и ныне не избыта.

Ах, лира строк...
Я обожал,
Когда пред вечером у тына
Звучал Сосюра. И Бажан.
И – в красном зареве – Тычина.

В душе мятежной, в боли ран
Степная ширь была бездонна,
Она и впрямь как океан
Текла вдоль белого Херсона,

Где каждый куст и рваный лог
Душе дороже яркой Ниццы...

Так кто же мне сыскал предлог,
Чтоб с этим всем разъединиться?